

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ**

Ю.П. Зарецкий

**АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ «Я»
ОТ АВГУСТИНА ДО АВВАКУМА**
(Очерки истории самосознания европейского индивида)

**Москва
2002**

Содержание

Предисловие

Глава 1. Феномен средневекового автобиографизма

1. Индивид в средневековых автобиографиях
2. Автобиографизм и смертный грех гордыни
3. Оправдание автобиографизма в «Житии» протопопа Аввакума
4. Средневековые авто/биографии: проблема авторства

Глава 2. В поисках смыслов автобиографизма: легенда о Св. Алексее, человеке Божиим

1. Проблема
2. Легенда
3. Определение подхода
4. Интерпретация

Глава 3. Рассказы о себе на христианском Западе: Средние века и раннее Новое время

1. О сказанном и несказанном в «Книге жизни» Св. Тересы Авильской
2. «Книга жизни» Св. Тересы Авильской: Монахиня и исповедник
3. Память о моем детстве: Средние века
4. Память о моем детстве: раннее Новое время

Глава 4. Русские средневековые автобиографии

1. Древнерусская автобиография в исследованиях 2-й половины XX в.
2. «...И о мне творю известие»
3. «Телесный» рассказ о себе монаха XVII в.

Глава 5. Автобиографические рассказы «других»

1. Ненаписанная история ранней еврейской автобиографии
2. Автобиография венецианского раввина и новоевропейский индивидуализм
3. Еврейская купчиха из Гамбурга о себе и своих детях

Послесловие

Appendix

Библиография

Summary

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга появилась в ходе поиска ответов на давно занимавшие меня вопросы об отражении самосознания людей, живших в Европе до начала Нового времени, в автобиографических сочинениях. Что и как они рассказывали о себе? Зачем они это делали? В чем состоят главные отличия их рассказов о своей жизни по сравнению с теми, которые можно встретить в автобиографиях Нового и Новейшего времени? Как соотносится автобиографизм и новоевропейский индивидуализм в исторической перспективе? Что общего и особенного в самоизображении европейцев, принадлежавших к разным культурным традициям?

Интерес к этим вопросам в значительной степени проистекал из изначального признания инакости средневековой культуры по сравнению с современной западной. Что означал рассказ о себе, привычный для европейца Нового и Новейшего времени (читай: живущего «внутри» индивидуалистической культуры), для человека, жившего в Европе в V-XVII вв., т.е. в обществе, которое по сути оставалось традиционалистским? В ранних автобиографических рассказах меня привлекали поэтому прежде всего «странности», то, что вызывает удивление у современного читателя, в особенности обнаружение в написанных столетия назад текстах какого-то другого, по сравнению с нашим сегодняшним, видения авторами их собственного Я.

Впрочем, в ходе работы над книгой и некоторые исходные установки, и сами очертания темы менялись. Сначала меня интересовала в первую очередь история самосознания европейского индивида, т.е. находящиеся «за» автобиографическими образами особенности самовосприятия авторов. Потом произошел сдвиг в сторону особенностей их самоизображения, конструкций самих автобиографических образов (в первую очередь «как», а не «что»). Эта двойственная фокусировка исследовательского внимания нашла отражение как в названии книги, так и в содержании составляющих ее очерков.

В процессе поисков происходило также движение от одной европейской культуры к другой. Сначала мой основной интерес был обращен к ренессансным и средневековым сочинениям, относящимся к западнохристианской традиции, потом настал черед древнерусских и иудейских сочинений примерно того же времени. Этот переход зародило мысль о возможности общеевропейской перспективы рассмотрения автобиографических текстов и обозначенных в них образов Я.

Со временем менялось и понимание задач этой работы, а вместе с этим и ее места в общем историографическом контексте проблемы становления новоевропейского индивида. Я все больше склонялся к мнению о том, что настало время переосмысления унаследованной современной историографией от предшественников XIX в. «великой саги становления Я»¹ – слишком сильно изменился мир за прошедшее время. Кроме прочего, эти изменения затронули и понятие «индивидуализм», в значительной степени утратившее свою прежнюю привлекательность. Во всяком случае, сегодня вера в то, что индивидуализм, некогда провозглашенный основой западной цивилизации, составляет безусловную ценность, выглядит по меньшей мере наивной. К тому же многие направления современной философской мысли существенно поколебали саму привычную идею о существовании в человеке некоего скрытого внутреннего ядра, составляющего суть его Я. В итоге некогда общепринятое представление о неуклонном линейном прогрессе индивидуального Я в истории стало выглядеть отголоском еще раньше дискредитировавшей себя веры в прогресс, а его неожиданное рождение из некоего

---

¹ Porter R. Introduction // *Rewriting the Self: Histories from the Middle Ages to Present* L., 1997. P. 8.

изначального коллективного «ментального бульона»² в эпоху Возрождения (вариант – в Античности, в первые века Христианства, в XII в., в период Реформации) потеряли прежнюю эвристическую значимость.

Эта работа не претендует на то, чтобы внести что-то радикально новое в происходящее в последние десятилетия глобальное переосмысление истории новоевропейского субъекта. Однако автор все же надеется, что она дает возможность по-новому взглянуть на отдельные эпизоды, связанные с этой важнейшей проблемой гуманитарных наук. Насколько ему удалось справиться с этой задачей – судить читателю.

Нельзя не сказать, что употребление в книге новоевропейского неологизма «автобиография» по отношению к произведениям Средних веков и раннего Нового времени достаточно условно и вынужденно – само понятие «автобиография» и соответствующий литературный жанр появились только на рубеже XVIII и XIX вв. До этого времени в европейской культуре рассказы авторов о своей жизни ни для них самих, ни для их современников, по-видимому, не составляли сколь-нибудь определенного смыслового единства. Во всяком случае, они не имели какого-то единого названия; создатели и переписчики таких рассказов чаще всего просто добавляли в заглавии к слову «жизнь», «житие», “vita”, “la vie” и т.п. указание на то, что оно составлено самим героем по формуле: «житие X, написанное им самим».

Книгу в рукописи (отдельные ее части или целиком) читали Ю.Л. Бессмертный, Г.А. Брандт, О.И. Варьяш, П. Горецкий, И.Н. Данилевский, В.М. Живов, О.Е. Кошелева, О.Ф. Кудрявцев, Н. Пейдж, Н.В. Рязановский, Р. Старн, В.И. Уколова. Я искренне признателен им за высказанные критические замечания и предложения. Моя благодарность адресована также коллегам и друзьям – сотрудникам Института всеобщей истории РАН, без разносторонней поддержки которых она едва ли могла бы появиться, и Энтони Д. Колиха, чье тщательное редактирование существенно улучшило английское содержание и резюме книги. Приятный долг автора состоит и в том, чтобы назвать различные программы и фонды, в разное время оказывавшие поддержку в этой его работе: Fulbright (1995-1996), RSEP (1995, 2000), RSS (1997-1998), РГНФ (1997-1999), OSI-HESP (1997-2000).

В приложение к книге включены материалы на английском языке, появившиеся в процессе ее написания. Лекция «Ранняя русская автобиография» была в значительной мере инициирована нашей перепиской и дружескими беседами с Джорджем Маджеска. Ее английская версия появилась благодаря помощи Лизы Волкер. Лекция об «автобиографии» Святого Алексея не смогла бы состояться без дружеской поддержки Петра Горецкого, а текст доклада о личности человека Божия – без придирчивого прочтения Джудит Шпигель.

Я рад возможности выразить благодарность всем коллегам и друзьям, на разных этапах помогавшим появлению этой книги на свет, а также Наталии Зарецкой, взявшей на себя часть работы по подготовке рукописи к печати.

К этому остается добавить, что все недочеты книги целиком лежат на совести ее автора.

---

² Ibid. P. 9.